

ЛИЦО НЕДЕЛИ

Сергей, с 1980 года, когда вы дебютировали в Вахтанговском театре, до последних ролей, после которых вы «проснулись знаменитым», прошло более десяти лет. Почему так долг был ваш путь к успеху?

— Вы знаете, для меня самого это большой вопрос. Тем более что все эти годы я не лежал на диване, а постоянно работал. Не было сезона в театре Вахтангова, чтобы я не играл, не репетировал. И в кино снимался — и не абы у кого, а у Глеба Панфилова в фильме «Мать», у Сергея Юрского в «Чернове», у Леонида Филатова в «Сукиных детях»... И диапазон ролей у меня был приличный — от водевиля до трагедии, от героев-любовников до чеховского Вафли. И творческие победы, как мне казалось, у меня случались. Но большей частью это были мои маленькие домашние радости. Иногда я с отчаянием думал: ну что я еще должен сделать, как еще вывернуть себя наизнанку, чтобы заметили? Но, видно, каждому фрукту свое время. Когда пришли новые времена, я, похоже, оказался к этому внутренне готов. Не зря же говорится: «Господь помогает, но в какой-то момент надо помочь и ему». И я ему — да простится мне это богохульство — в какой-то момент, наверное, чем-то помог...

— Ваши самые громкие творческие свершения связаны с именами Романа Виктюка и Владимира Хотиненко, которые «открыли» вас почти одновременно: на самом исходе восьмидесятих годов. Я представляю эту картину: после репетиции «М. Баттерфляй» у Романа Григорьевича вы рысью несетесь на стемочную площадку «Патриотической комедии» к Владимиру Ивановичу. Не боялись «раздвоения» личности?

— Тогда уж «растроения», потому что бежал я еще и к Петру Фоменко, с которым приблизительно в это же время мы делали спектакль «Государь ты наш батюшка», где я играл (и, к сожалению, не наигрался — спектакль быстро сняли) царевича Алексея — может быть, самую любимую, самую глубокую свою роль. Это было трудное и интересное время: каждой роли я отдавал какую-то частичку себя, а три моих разных персонажа в это время замечательно общались между собой внутри меня, дополняя и обогащая характеры друг друга. Я вообще люблю работать

ТВ Парк - 1996 - 3 марта. - с. 8-9

МАКОВЕЦКИЙ

«Тут я и подвернулся. «Молодой человек, — окликнула меня Лена, — вы женитесь на мне?» — «На вас? — сначала удивился я. А потом присмотрелся и добавил: — На вас женюсь».

много и с разными людьми: с одним режиссером (даже самым талантливым), в одном творческом коллективе (даже самом престижном) мне очень скоро становится скучно и тесно. И я рвусь из клетки на волю...

Вы сыграли в наших лучших спектаклях и фильмах последних лет, собрали урожай международных и российских призов... У вас есть сегодня ощущение, что вы — звезда?

— Когда читаю прессу, кажется, что есть... Да и на публике пришла новая степень узнаваемости. Раньше просто спрашивали, не актер ли я, потом часто называли по имени героя: «Смотри, вон Макаров пошел». Сегодня же многие уже знают меня и по фамилии. Конечно, если бы к этим фильмам да еще прокат, какой был в советскую пору... Но это уже почти по Гоголю получается...

Многие надеются, что лет через десять все у нас с кино наладится и зрители вернутся в залы. Но я не хочу и не могу ждать целых десять лет. Мне интересно работать сегодня, сейчас, когда есть силы, умение, когда, как мне кажется, я постиг многие тайны профессии.

— Значит ли это, что сегодня вы можете сыграть любую роль — от гардемарина до Макбета?

— Настоящий актер должен уметь все. Если он говорит: «Это не моя тема», «Я не знаю, как это сыграть», значит, он не до конца актер. Возьмите, например, Джека Николсона или Мэрил Стрип — моих любимых артистов. Почему они могут играть уродцев и красавцев, палачей и жертв, гениев и монстров, святых и грешников? Ни с кем себя, разумеется, не сравниваю, но сегодня я, как мне кажется, готов к самым разным, порой взаимоисключающим ролям.

— Тем не менее в театре, кино вы в основном играете мягких, рефлектирующих, неуверенных в себе персонажей. А в жизни, по моим наблюдениям, вы другой: более сосредоточенный, волевой, спортивный...

— Если честно, я не знаю, какой я в жизни. В чем-то, наверное, похож на своих героев, а в чем-то герои похожи на меня. Когда в киноальманахе «Прибытие поезда» я играю Трофима, доверчивого, беззащитного человека, то я в какой-то момент ловлю себя на мысли, что во мне тоже есть вот эта святая простота, наивность, неуместное порой желание излить перед посторонним человеком ду-

шу. Когда же в «Пьесе для пассажира» исполняю роль Проводника, который весь фильм мается неизбывным чувством вины, то в этой картине я по-своему исповедуюсь перед своими друзьями, родными за то зло, обиды, которые вольно или невольно причинил им в жизни. А когда играю в «Дачниках» горьковского Басова с его равнодушием ко всему и вся, то ведь эти чувства мне тоже взять негде, кроме как у самого себя. Сейчас я снялся у Киры Муратовой в роли убийцы, а это значит, что и агрессивность, вспыльчивость, мстительность во мне тоже есть, иначе бы я эту роль не сыграл. Так что для того, чтобы судить, каков я в жизни, надо пересмотреть мои работы в кино и театре — я там почти все про себя рассказал.

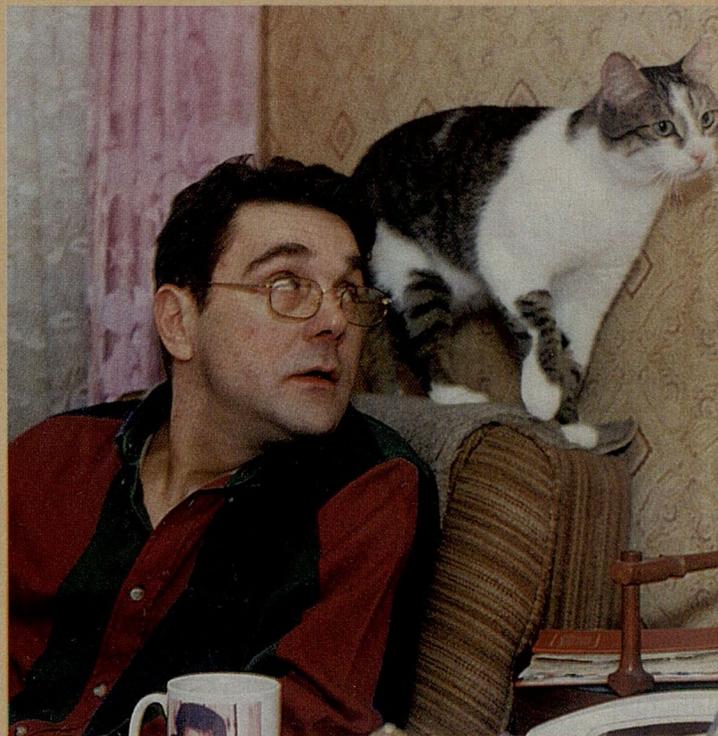
— Но вы еще не рассказали нам о своей частной, личной жизни, а это мне читатели, подозреваю, не простят. Скажите, ваша сегодняшняя известность как-то отразилась на уровне вашего благосостояния?

— Вы знаете, быт у меня, к сожалению, не идет в ногу с творческими удачами. Вот уже 15 лет я мыкаюсь в Москве без своего угла.

Недавно мне выделили муниципальную квартиру, но она в таком месте, что добраться до нее после спектакля практически невозможно. И я по-прежнему живу в полуразвалившемся общежитии Вахтанговского театра, где в двух небольших комнатах ютимся мы с моей женой Леной, сыном Денисом и тяжелой тещей. Утешает только то, что жилищный вопрос, вопреки классике, нас не испортил. Несмотря на чудовищные бытовые условия, у нас в семье по-прежнему добрые, нежные отношения. Особенно потрясает меня Денис, которому уже двадцать лет, у которого своя жизнь и который, тем не менее, очень часто предлагает нам с Леной поехать на какой-нибудь кинофестиваль, а сам неотлучно остается с прикованной к постели бабушкой.

М

не приходилось видеть вас с Леной вместе не один раз, и вы всегда производили на меня впечатление на редкость гармоничной, счастливой пары. Вы даже внешне друг на друга похожи. Эта схожесть проявилась с годами или она была изначально?

— Изначально было родство душ. Сразу же после знакомства мы почувствовали это, а прожив вместе немало лет, стали, наверное, и внешне похожи. Меня это только радует: Лена у меня — женщина красивая, значит, и я не совсем Квазимодо...

— Я слышал от ваших коллег, что у вас с женой было романтическое знакомство...

— О, это целая история. Мы познакомились на Одесской киностудии, где у меня была роль в фильме «Я сын трудового народа». Станислав Говорухин снимал в то время «Детей капитана Гранта», а Лена работала у него на картине редактором. Как-то стояли они в коридоре и, как водится, беззаботно трепались. Говорухин от нечего делать

возьми и скажи: мол, все, вышла ты, красавица, в тираж, никто на тебя больше не позарится. А она ему в такой же необязательной манере отвечала, что вот появится сейчас в коридоре первый попавшийся молодой человек, и она свои чары на нем еще как испробует. Тут я и подвернулся. «Молодой человек, — окликнула меня Лена, — вы женитесь на мне?» — «На вас?» — сначала удивился я. А потом присмотрелся и добавил: — На вас женюсь». — «Когда?» — «На майские», — ответил я и побежал дальше. Ну а потом я ее нашел, у нас был длинный красивый роман с шампанским и цветами, а потом мы-таки поженились. Накануне майских праздников, как я и обещал...

Леонид Павлючик

